

УДК 316.33, 316.6 (075.8)

**КОНФЛИКТ «НЕМО»: ОБЕЗЛИЧИВАНИЕ КАК ПРОБЛЕМА СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ
В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ОБЩЕСТВЕ***Л. В. Шабанов***THE «NEMO» CONFLICT: DEPERSONALIZATION AS A NEW TREND OF SOCIAL DEVELOPMENT***L. V. Shabanov*

Автор статьи рассматривает проблему дисфункций отношений «Государство – закрытые “Роевые структуры” типа “бюрократия” – Общество как конгломерат множества личностей отдельных и самодостаточных». В ходе исследования была сформулирована конфликтная модель, в которой стороны конфликта, «Рои», оказались в роли паразита, не отражающего ни интересов государства, ни интересов общества. Однако многочисленные «Роевые закрытые структуры» пополняются за счет общества, рекрутируя в себя все новых членов, теряющих качества личности, и расширяются за счет прямых или косвенных средств поддержки со стороны государства. С точки зрения социокультурного аспекта развития личности в сфере актуализированного системного конфликта интересов «Рой» предстает как социальный паразит, нивелирующий качества личности человека холистического за счет актуализации качеств личности иерархической.

The author considers the problem of dysfunctions in the relations between «State – "Swarm structures" – Society as a conglomeration of many individual personalities». From the point of view of socio-cultural aspects of personality development in the field of the updated system of conflict of interests, the "swarm" appears as a social parasite, grading the personal identity of the holistic person through the actualization of the hierarchical person. The study revealed the new trend in depersonalization (personality, corporate, hierarchical person); however, in swarm structures, 'identity' equals 'swarm' (instead of an individual's personality we see the structure of elementary individual functionary of plus-minus reaction).

Ключевые слова: социализация личности, бюрократия как институт социализации, государство, общество, роевые социальные образования.

Keywords: socialization, state, society, swarm social structure as an institution of socialization.

Институциональные факторы развития личности в современную информационную эпоху претерпели существенные изменения. Роль семейного окружения как главного фактора социализации уходит с первых позиций темы социальной адаптации личности еще в XX в. Роль внесемейного окружения / неформальных групп также оказалась деформирована субкультурными и корпоративными маркерами общественных отношений. Существенно расширились влияния на социализацию личности глобальных поликультурных агломераций надинституционального характера. В 2013 – 2014 гг. проводилось исследование в рамках проблемы влияния на социализацию человека его местоположения внутри государственных, корпоративных, социальных полей на примере пересечения системы личностных ценностей относительно системы ценностей общества.

Личностные изменения в периоды социальной адаптации необходимо рассматривать через изменение отношения к значимости личных и социальных проблем в поле приспособления (ассимиляции) индивида к социальной среде, поведенческого стремления к дифференциации (ре-адаптации) на переходных этапах процесса социализации (подросток – молодой человек). Отслеживая динамику этих процессов, становится понятно, что социальная адаптация сегодня включает в себя приспособление к деструктивным и маргинальным параметрам современного атомизированного общества (зависимое поведение, подверженность влияниям, делинквентность/девиантность; отчужденность или ломка личностных качеств, при приспособлении к новому социуму временного пре-

бывания/ длительного проживания). На уровне микросреды эта маргинальность совместимости и качества жизни, а на уровне макросреды – изменения отношений к внешним условиям социума. Оказалось, что необходимо учитывать не только маркеры дезадаптивности личности, переживающей ситуацию изменения или даже распада своего социального окружения, но и то, что деструктивность становится необходимой частью социализации личности, которая включает в себя и позитивное приспособление к социальному пространству жизни, и деструктивные изменения личности в процессе адаптации к новым условиям [5, с. 8].

С точки зрения аксиологии проиллюстрировать развитие противоречий такой схемы социализации оказалось удобным через системно-функциональные отношения «Чиновничество – Государство – Общество», где (еще в конце XIX в.) была вычленена динамика социальных интересов разных уровней общности и способы обеспечения их взаимодействия. Важным здесь является не только учет специфики отношений, автономности интересов, многоаспектности деятельности, но и понимание к их совместимости. В обществе должны существовать зоны согласования интересов и позиций, единые правила поведения, которые принимались бы всеми участниками как «порядок» в системе отношений, которые в дальнейшем были выделены как поле «Государство – закрытые “Роевые структуры” типа “бюрократия” – Общество как конгломерат множества личностей отдельных и самодостаточных».

Рассматривая проблематику социальных качеств изменений, представители социальных наук к концу XX в. предложили концепции «диалектического конфликта» (Р. Дарендорф), теорию «человеческих отношений» (Э. Мэйо), «конкурентной ситуации» (К. Боулдинг), «закрытого» и «открытого» общества (Л. Козер) – тем самым поставив вопрос о качестве коммуникационных процессов в макросоциальном пространстве.

На наш взгляд, именно проблема «доступности» коммуникационных полей в процессе реформирования государственной службы не только приобретает особое значение в условиях поиска современной модели более эффективного взаимодействия органов государственной власти и институтов гражданского общества, но и становится определяющей в поисках способов обеспечения снижения социальной напряженности и упрочения политического и гражданского согласия. Выходом из создавшейся ситуации и шагом на пути изменения системно-функциональных отношений «Закрытый рой – Государство – Общество» становится задекларированное использование государственными служащими коммуникативных технологий, направленных на установление диалога между государством и гражданским обществом.

С точки зрения системно-функционального подхода, именно здесь, несмотря на все декларации, происходит тот самый «диалектический конфликт», когда гуманистическая ценность человеческой личности с её холизмом оказывается избыточной относительно «роевой» личности сетевого человека с его иерархиями и системами соподчиненностей, которые пусть не дают свободы, зато несут безопасность. Чем более закрыта система, тем более неуязвим ее элемент. Иными словами, логика такой социальной адаптации заключается в том, чтобы пожертвовать своей личностной индивидуальностью, а закрытая коммуникационная система за это даст гарантии большей безопасности и предсказуемости относительно личностного роста попавшего в нее элемента.

Вопросы таких системно-функциональных отношений отражены в трудах Аристотеля и Платона – о взаимодействии власти и общества; Т. Гоббс, Д. Локк, Ж.-Ж. Руссо – об общественном договоре; Н. Макиавелли, Г. Лебона, Х. Ортега-и-Гассета – о социальном государстве; М. Вебера – о государственной службе как рациональной бюрократии; Т. Ларсонса – об общей теории и структуре социального действия; К. Хабермаса – о теории коммуникативного действия; П. Сорокина – о взаимодействии как модели социального явления; Н. Лумана – о власти как средстве коммуникации; А. А. Богданова – о конъюгации как объединении или отношении двух систем, находящихся во взаимодействии и др. [1, с. 154 – 156, 503]. Интерес различных наук к данной проблематике объясняется и тем, что благодаря пониманию функционирования коммуникационного процесса осуществляется эффективное управление различными социальными системами как локального, так и глобального общества, что, соответственно, влияет на изменения системно-функциональных отношений.

Однако может ли процесс подобной коммуникации адекватно социализировать или развивать лич-

ность? Влиять на процесс – да, но итогом такого развития становится сначала переход от человека холистического к человеку корпоративному, а затем – к человеку иерархическому и сетевому с минимальными маркерами личностной независимости, оригинальности и возможности самоактуализации.

Актуальность роли коммуникации в процессе государственного управления в системе отношений «Чиновничество – Государство – Общество» была продиктована поиском путей становления эффективного механизма взаимодействия органов государственного управления и институтов государственной власти, упрочения политического и гражданского согласия в обществе. Могло ли быть в этой коммуникации место для холистического человека? Ставилась ли такая задача? Кем?

Американский социолог Э. Тоффлер считает, что к исходу XXI в. информация и знания станут важнейшими ресурсами власти, а механизмом, контролирующим изменения будет сама власть, имеющая надличностный социентальный характер. Получается, что будущее как раз за закрытыми системами? Значит и социализация будущего будет строиться на дефиците информации (ее защите и строго парциальной доступности), ergo – на дефицитарном качестве коммуникации.

В своей книге «Третья волна», Тоффлер [3] акцентирует внимание на социально-экономических тенденциях, сопутствующих развитию информационных технологий, которые социализируют человека, умаяя при этом его личность (*«инфантилизируя» ее – Л. Ш.*). Рассуждая о тенденциях де-массификации в средствах массовой коммуникации, он указал на повышение их интерактивности вследствие внедрения новых сетевых технологий. Изменения, идущие в непредсказуемых и быстроразвивающихся направлениях, становятся основной чертой жизни человечества будущего, и они непременно будут влиять как на общество в целом, так и на личность (*которая просто не будет успевать взаимодействовать в коммуникации полноценного общения – Л. Ш.*).

Итогом постсовременных социальных перемен, порожденных развитием и конвергенцией информационных и коммуникационных технологий, будет создание общества нового типа – «глобального» или «информационного», в котором обмен информацией не будет иметь ни временных, ни пространственных, ни политических границ, а образование станет действительно непрерывным. Приобщение к новым информационным технологиям, с одной стороны, будет способствовать взаимопроникновению культур (в том числе организационных), с другой – откроет для каждого сообщества и личности новые возможности самоидентификации (в том числе не протоколизированных, не «бумажных»). Насколько в такой глобальной коммуникационной организации процесса социализации возможно будет говорить об экологии развития личности как независимой самовоспроизводящейся индивидуальной системе отличий одного человека от другого со своими глубинными особенностями?

С середины XIX в. по схеме «закрытого общества» развивался новый управляющий класс, названный

«чиновничество». Бюрократическая поликультурная многонациональная агломерация становится показательным социальным институтом, выступающим в качестве рационально функционирующего административно-командного аппарата (М. Вебер), проводящего в жизнь решения исполнительной и законодательной властей, который сначала подменяет собой общественные иерархии государственного функционирования (Ю. Олешук, А. Х. Бурганов), а затем подменяет и всю социальную структуру больших общественных образований (Ю. Хабермас, А. В. Макарин), что позволяет бюрократии эволюционировать в совершенно иную обезличенную безграничную и надгосударственную «роевую личность» (Дж. Акрилла, С. Джонсон).

Таким образом, коммуникативное поле «Чиновничество» превращается из персонального или группового в безликое роевое пространство, где стороны участника конфликта – «надличностное государство» и «персонифицированное общество» – оказываются втянутыми в противоборство с невидимками, имеющими богатый опыт выживания и формирования своей паразитической среды обитания внутри общества и госструктур через выстраивания новых безличностных отношений. Именно этот опыт выживания и самоорганизации становится моделью для наиболее успешных с точки зрения сетевого маркетинга корпораций («Бенетон», «Гербалайф», «Вольво», «Пятерочка», «ЭмВэй» и др.) и новых сект («Сайентология», «свидетели Иеговы», «Ашрам Шамбалы» и т. п.).

Возможно, уже в настоящее время потребуются новая концепция «восприимчивой» общественной системы, при которой личность ради своего сохранения (как качества человека) должна научиться чутко реагировать на импульсы, поступающие от роевых структур общества. Основной упор здесь должен делаться на процедуры, обеспечивающие включенность в государственное управление общественного мнения и подотчетность властных структур обществу. Иными словами, необходимо не допустить превращения бюрократии, прикрытой ширмой демократических структур, в провокатократию, востребованную охлократическим большинством. Включенные в широкую коммуникацию люди должны не только оценивать результаты каких-то властных действий по принципу «хорошо – плохо», но и активно включаться в общественное взаимодействие выработки и контроля или необходимых бюджетов времени, лимитов знаний и циркуляции информации.

Получение информации происходит благодаря коммуникации, и тот же Тоффлер проводит параллель между организацией знания в обществе и его институциональной составляющей. Однако общество должно эволюционировать к полностью анти-бюрократическим властным формам, поскольку свободный, многообразный и неисчерпаемый поток информации обуславливает уничтожение иерархической структуры коммуникаций, порожденный авторитарной организацией власти. Новую организационную структуру он назвал «адхократия» (от лат. *ad hoc*, для данного случая, для данной цели). Несмотря на это, общество, эволюционируя, порождает другие роевые структуры, отраженные в сетевых технологиях и рас-

ширяющихся корпорациях, которые также берут на вооружение управление как особую трудовую занятость (менеджмент), четкую иерархическую зависимость (карьерная координация и супервизия), оптимальное действие безличных правил и подавление инициативной личности.

Такое подавление личности обусловлено целым рядом параллельных процессов в глобальном обществе. При этом само общество подвергается постоянному воздействию медийных провокаторов, которые тестируют социальные группы на предмет расширения и нивелирования нормы и замены эталонной группы, идентифицируемой обществом как «свои», на массу «интересностей» в виде парада фрикков, скандалов, паноптикума извращений и телевизионного пандемониума запредельных отражений танатоса. Этому способствуют: политические деятели и их институциональная инфляция, чиновники и их растущее обезличивание, превращение человека в функциональную единицу посредством менеджмента и продюсирования, массовое потребление и мода на консумацию вместо полноценных отношений – все это ответ на вопрос о востребованности социумом сильной самостоятельной личности.

Растущая взаимоизоляция дает не только уменьшение критического мышления от граждан, но и усиливает зависимость политических систем от освещения СМИ, изменяя тем самым и властные отношения. Это вызвано, в первую очередь, кризисом идентичности национального государства и той формы политической демократии, которая складывалась в течение последнего времени (Охлократия может подаваться как коллективное властоуправление, но чаще всего это коллективная анти-личность, т. е. даже не человек иерархический).

Одновременно отчетливо ощущается резкое усиление значимости информационных коммуникаций в системно-функциональных отношениях при последовательном выключении личностной активности за счет интерактивного диалога «человек – машина». Новые информационные технологии меняют качество и структуру предложений как в области политики, так и на социально-экономическом рынке, способствуя повышению плотности интерактивного взаимодействия элитарных и неэлитарных слоев с техно-сферой государственных институтов (но не между собой) [4, с. 334]. В обществе создаются «сетевые отношения». Последние начинают постепенно становиться едва ли не основным инструментом идентификации граждан, организации и координации участия элитарных и неэлитарных слоев в жизни общества.

Таким образом, социализация в системно-функциональных отношениях усвоения и овладения тем социальным опытом, который передается индивиду в ходе его взаимодействия и общения с социальным окружением (сетевыми ассоциациями и техно-сферой), и предполагает освоение социального опыта, который передается ему в ходе совместной деятельности (общения) с окружением для реализации уже субъектности взаимодействия. Три составляющие такой социализации входят в конфликт с тремя основами коммуникации диалога: взаимодействие, взаимопонимание и взаимовлияние.

Сфера такого экзистенциального конфликта выглядит как стремление государства избавиться от немобильных устаревших систем самоуправления, с одной стороны, и стремлением общества избавиться от посредников (роевых структур типа раздутого бюрократического аппарата), в системе интеракции с государственными структурами. Действительно, государству, с его нынешней технологичностью и стремлением к дальнейшему росту рациональности, стандартизованности и контроля, *de facto* выгодно уменьшение именно «человеческого фактора» в сфере управления и исполнения принятых административных решений. Социальный психолог Kevin Werbach в 2013 г. показал существенный рост применения игровых элементов и цифровых методов проектирования игры для не игровых проблем, таких как бизнес и социальные проблемы воздействия [6]. Иными словами, в администрирование пришло поколение компьютерных игроков, которые стали использовать в бизнесе, рекламе, маркетинге, социальных аспектах и повседневной жизни опыт виртуального пространства. Опыт этих новых управленцев и государственных служащих принципиально отличен от опыта «некомпьютерного», старого, поколения административных работников. Исчезает человек общества. Конкретный реальный клиент превращается в юнита нереального пространства техно-сферы, схожей с игровой ситуацией героев компьютерных игр, которые не имеют индивидуальной ценности (их появление или потеря – дело рук матрицы виртуального пространства «play the game»).

Обществу, также имеющему достаточный интеллектуальный уровень и технические возможности оформления и продвижения документов, тотальная бюрократизация и коррумпированность услуг не дает двигаться в направлении декларируемого «гражданского общества» и «правового государства». Результатом становится все расширяющаяся подмена общественных институтов – клиентеллой, состоящей из многочисленных, разнообразных и зависимых от гос-

структур (в лице отдельных роевых конгломератов). Социальная диверсификация приводит к воспроизводству схемы доминирования сетевых компаний, созданных по типу закрытых ассоциаций типа бюрократии, над обществом. В подобной ситуации именно холистический индивидуалист не просто старается жить независимо от таких отношений, но выживает, уходя от общества (фриланс, дауншифтинг, боди- и соул-билдинг). Иными словами, человек, который всю историю социального развития определял задачи социализации, степень субъектности, создавал и двигал общество по дорогам прогресса и заставлял подтягиваться конформистское большинство, теперь перестает работать на будущее своего социума, а часто и вообще покидает его, разрывая преемственность институтов социализации и связь с другими объектами.

Сама роевая структура, в частности бюрократия, стремится подчинять потребности общества своим целям ради самосохранения и упрочения собственных позиций. Даже «политика государства непосредственно направлена на удовлетворение эгоистических интересов групп и отдельных лиц, находящихся непосредственно у власти..., или обладающих возможностями оказывать влияние на власть» [2, с. 211], что ведет к конфликту роевой структуры (структуры-паразита) и общества. Конфликт с обществом является результатом безличного отношения к насущным проблемам, требующим индивидуального подхода. Роевая структура не только надиндивидуальна, она не отвечает и запросам групп, слоев, индивидуумов – в частности, и общества – в целом.

Однако, не только бюрократия, но и все роевые структуры (и не только в РФ) продолжают расширяться и множиться, демонстрируя процессы перестройки системно-функциональных отношений постоянной ре-социализации личности, ее подчинения и обезличивания, подавая этот процесс как возможность для индивидуального самосохранения и выживания роя.

Литература

1. Восленский М. С. Номенклатура. London, 1985. 516 с.
2. Сметанкина Л. В. Социокультурные факторы управления. Ростов н/Д.: Антей, 2011. 220 с.
3. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. 776 с.
4. Шабанов Л. В. Отчуждение как конфликтологический фактор тенденций глобального диалога культур // Диалог культур и партнерство цивилизаций: XIV Международные Лихачевские научные чтения, 15 – 20 мая 2014 г. СПб.: СПбГУП, 2014. С. 333 – 334.
5. Шабанов Л. В., Морозенко Е. В. Динамика изменений личности студента в процессе социальной адаптации к новым условиям жизни. Прокопьевск, 2015. 181 с.
6. Что такое игрофикация? Она же Gamification, она же Геймификация. Я предпочитаю говорить на русский манер. Режим доступа: <http://gamification-now.ru/wtf/> (дата обращения: 28.08.2015).

Информация об авторе:

Шабанов Лев Викторович – доктор философских наук, кандидат психологических наук (социальная психология), академик Международной Академии психологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета профсоюзов, lev.shabanov@mail.ru.

Lev V. Shabanov – Doctor of Philosophy, Professor at St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.